

УЧЕНЫЙ ОБЯЗАН ОБЩЕСТВУ СЛУЖЕНИЕМ ИСТИНЕ

Алексей Буров

Наука является мощным фактором влияния, даже если государство этот фактор игнорирует или недостаточно финансирует. Даже в случае полного отсутствия поддержки, результаты научных исследований всё равно оказывают влияние на общество. Мы пользуемся айфонами, средствами коммуникации, а украинские войска имеют доступ к Starlink, используют дроны и другие высокотехнологичные средства. Это наглядный пример того, как наука и связанные с ней технологии становятся определяющими для успеха современных государств. Они играют одну из ключевых ролей, если не самую важную.

Со времени окончания Второй мировой войны и по сегодняшний день мировым лидером остаются Соединённые Штаты. Они занимают передовые позиции в таких областях, как компьютерные науки, инженерия, исследование космоса, а до строительства Большого адронного коллайдера (ЛНС) и в физика элементарных частиц. Сейчас лидерство в этой области перешло к Европе. ЛНС стал ключевым проектом, в значительной степени европейским, хотя США также участвуют в его реализации. Потеря лидерства Америки связана с закрытием проекта сверхпроводящего суперколлайдера в 1993 году, в период президентства Билла Клинтона. Это событие стало поворотным моментом. Если бы проект был завершён, США могли бы сохранить лидерство и здесь, а строительство ЛНС, возможно, и не состоялось бы. Закрытие этого проекта — интересная и поучительная история, имеющая важные политические и этические аспекты.

Проект сверхпроводящего суперколлайдера был довольно дорогим. Исходно его стоимость была определена примерно в 4 миллиарда долларов в тогдашних деньгах; заявка была одобрена Конгрессом США. Стоимость проекта рассчитывалась научно-техническим сообществом, и это была сложная задача: инновационность установки и её масштаб затрудняли точные прогнозы. Когда строительство началось, выяснилось, что реальная стоимость проекта превышает исходную цифру. Сначала бюджет удвоился,

затем утроился. Год за годом организаторы возвращались в Конгресс с новыми запросами. На определённом этапе терпение Конгресса иссякло. Политики обвинили лидеров проекта в нечестности. Конгрессмены сочли, что их вовлекли в игру с постоянно повышающимися ставками, из которой невозможно выйти, не понеся серьёзных потерь. Научное сообщество было обвинено в жульническом занижении стоимости.

Было ли это сделано лидерами проекта сознательно? Как часто происходит с ложью, она бывает замаскирована даже для лгущего. Лидеры проекта рассуждали примерно так: если сразу заявить реалистичную сумму, скорее всего, её не утвердят. Поэтому, учитывая неопределённость в расчётах, решили указать минимально возможный бюджет, надеясь, что потом удастся договориться. Это было сделано из благих побуждений — заботились не о своих карманах, а о коллайдере.

Физики и инженеры, энтузиасты своего дела, пошли на это ради высших научных целей. Однако они переступили черту, решив немного схитрить. Логика была проста: проект не обрубят на полпути, а со временем всё утрясётся. Но если называть вещи своими именами, это было обманом, пусть и ради высоких целей. Многие конгрессмены сочли эту ситуацию жульничеством, за которое, правда, никто не был наказан. Уголовных дел не было, но в 1993 году проект был закрыт, когда туннель был вырыт примерно на четверть, 20 км из 87 км. Эта история подчёркивает важность честной игры в науке. Даже ради самых благородных целей нельзя искажать факты. **Этические принципы и честность должны быть неотъемлемой частью научной деятельности.** К сожалению, это был не единственный случай, когда ради науки или интересов крупных организаций допускались серьёзные нарушения.

Другой важный случай связан с пандемией COVID-19, имевшей огромные общественные последствия. По всему миру были введены жёсткие ограничения: карантин, локдаун, обязательные маски и т.д.

Обсуждался ли весь этот блок проблем, связанных с ковидом, честно и беспристрастно, как того требует ситуация? Было ли дано слово всем оппонировавшим сторонам? Или же на каком-то высоком уровне было принято решение, что есть только один путь, а всем несогласным будет

затыкаться рот, их будут банить на Facebook, YouTube, увольнять с работы, их будут очернять в СМИ и так далее? Вот такая вторая линия была выбрана почти во всех странах, в том числе в Соединённых Штатах. **Таким образом, научное сообщество продемонстрировало свою склонность к тоталитарному поведению, типа реакции секты, не допускающей никаких обсуждений и уничтожающей оппонентов. Мы стали свидетелями тоталитарного захвата средств массовой информации, цензуры и диктата с позиции силы.**

Приведу лишь один пример из этой эпопеи. Выдающийся американско-русский биолог Евгений Кунин в интервью изданию «Медуза» прокомментировал две основные версии происхождения вируса: от животных на рынке в китайском городе Ухане или из-за утечки микробиологического центра там же, где как раз шли исследования по усилению функции вирусов. Кунин категорически отверг версию лабораторного происхождения, назвав её «патологическим бредом» <https://meduza.io/feature/2020/05/01/eto-patologicheskij-bred> . Это было повторено несколько раз, как заклинание. Ученый, заботящийся об истине, должен критически рассматривать все аргументы, все данные за и против, и высказывать своё мнение уважительно к тем, кто с ним не согласен. Вместо этого, Кунин выступил как партийный пропагандист, занятый откровенным шельмованием оппонентов.

Научное сообщество микробиологов, за малыми исключениями, заняло схожую позицию. Почему? Одной из причин мог быть страх перед разоблачением. Если версия об утечке из лаборатории подтверждается, это бьет по репутации многих учёных и организаций, участвовавших в исследованиях. Некоторые из них, включая американские, финансировали работы в Уханьской лаборатории, где велись эксперименты с усилением функций вирусов. Даже если утечка произошла случайно, ответственность за недостаточный контроль легла бы на руководителей. Это могло привести к громким увольнениям, судебным разбирательствам и краху научных карьер. Вместо открытого обсуждения мы стали свидетелями массовой кампании по подавлению альтернативных мнений: цензура в соцсетях, запрет публикаций, дискредитация несогласных. Научное сообщество, ставшее флагманом этой

политики, продемонстрировало, что корпоративные интересы и страх за репутацию поставлены им выше истины и общественного блага.

Это пример того, когда корпоративный интерес ставится выше истины, выше общественного интереса. Запускается гигантская компания лжи и цензуры - того, что свойственно тоталитарному обществу. И ведут эту компанию выдающиеся учёные. Когда научные лидеры руководствуются не правдой, а попытками сохранить позиции и финансирование, последствия могут быть катастрофическими. Миллионы погибших, искалеченные жизни и разрушенные судьбы — весьма вероятная цена подобной политики. **Наука должна быть полем для честного поиска истины, а не инструментом манипуляции и подавления.**

До тех пор, пока общество не осознает эту проблему и не извлечет уроки, следующие ситуации будут развиваться по тому же сценарию. Не нужно смотреть на учёных как на святых. Среди них есть благородные, честные и достойные люди, а есть и те, что ради своих собственных интересов или интересов научных коллективов могут пойти на любой подлог или жульничество, оправдывая это служением науке. Это очень острая и важная проблема, и общество должно сознавать её.

Еще одна большая проблема связана с вопросами об изменении климата. Даже если большинство учёных подтверждает человеческое влияние на климат, вопрос всё равно должен оставаться открытым для обсуждения. **Никто не должен подвергаться давлению за высказывание альтернативного суждения.** Если же людей начинают прессовать за то, что они высказывают мнение, отличное от линии партии, то это лишь показывает, что дело нечисто. Борьба за истину перестает быть таковой, если прибегает к подавлению инакомыслия средствами цензуры и репрессий, характерными для тоталитарных обществ.

Эта проблема требует осознания как со стороны общества, так и со стороны научного сообщества. **Люди науки часто забывают, что они — должники общества.** Общество платит им, будь то гранты от частных организаций, государственные средства или пожертвования. Так или иначе, учёный — это служитель истины, такова его подлинная общественная функция. И если

учёный участвует в кампании дезинформации или клеветы, его репутация и позиция должны пострадать, он не должен выходить сухим из воды.

Учёные, по-хорошему, должны так или иначе давать клятву — аналог врачебной клятвы Гиппократов. Возможно, это могла бы быть "клятва Галилея", ведь Галилей отстаивал истину так, как он её видел. Хотя и он, как известно, пошёл на компромисс, чтобы избежать костра, но, находясь под домашним арестом, он все же написал свою главную книгу. Обходя запрет на публикацию, обеспечивая себе дальнейшие неприятности, он переправил рукопись в свободную Голландию, где она и была издана. Эта книга оказала огромное влияние на Ньютона и последующее развитие физики.

Учёные должны помнить, что они обязаны обществу служением истине. Мы не должны врать, не должны блокировать честный поиск истины. Подтасовка цены проекта, искажение результатов исследований, участие в шельмовании оппонентов и административном давлении на них, цензура — все это недопустимо. Учёные, пойманные на таком поведении, теряют право называться служителями истины, что должно иметь последствия для их репутации и позиции.

Разумеется, ошибки возможны, но есть разница между честной ошибкой и ложью. Ошибаться может каждый — это нормально. Но есть большая разница между честной ошибкой и затыканием рта оппонентам, их травлей в СМИ, блокировкой в социальных сетях, шельмованием. Вот за активное участие в таких действиях необходимо лишать права работать в науке.

Эта проблема лежит в плоскости научной этики, и здесь наука серьёзно недорабатывает. В научном сообществе, к сожалению, есть ржавчина, которая его разъедает. Это готовность ко лжи ради каких-то "высших целей", например, ради спасения корпорации. А как обычно выглядит это "спасение"? Человек, который помогает корпоративным интересам, редко остаётся без награды. Это не значит, что ему принесут чемодан с долларами. Это работает иначе. Если ты показал, что ты "свой", то, когда придёт время в очередной раз решать, кого продвигать или чей проект финансировать, ты будешь в числе первых в очереди. Оплата корпоративных услуг обычно происходит не прямыми деньгами, а через систему привилегий, услуг и продвижений — что называется, "борзыми щенками".

Ну и последнее, что хотелось бы затронуть — это ещё одна большая проблема, своего рода коррупция, в изначальном широком значении порчи, деградации. В лице своих активистов и послушного им большинства, научное сообщество прилагает немалые усилия к дискредитации того, что Эйнштейн называл "космическим религиозным чувством" и "интеллектуализированной любовью к Богу". Такая кампания идет многие годы в разных сообществах, особенно же сильно среди биологов. В физике это тоже присутствует, но в меньшей степени.

За все годы моей работы на Западе (с 1997 года работаю в Фермилабе, а с начала 90-х бывал и в других западных лабораториях), я ни разу не встречал в ведущих физических журналах серьёзной статьи, где обсуждались бы картины мира отцов математической физики. А ведь у них она была религиозной, у всех — от Галилея до Гейзенберга. Даже Дирак, смолоду бывший атеистом, к тридцати с небольшим годам стал осознавать основания своего мышления, перешел на пифагорейски-платонические позиции, а закончил жизнь вообще регулярным церковным прихожанином. Об этом в научных журналах вы ничего не найдете. Под видом научного мировоззрения научными изданиями ведется атеистическая пропаганда.

Если мы утверждаем, что наш мир возник в результате бессмысленного случая, то мир уже лишён смысла. Но тогда и фундаментальные исследования становятся такими же. В таком случае, зачем вообще продолжать фундаментальные исследования Вселенной? Смысла нет, и, стало быть, нужно тогда закрывать фундаментальную науку.

Мы до сих пор не освоили термоядерный синтез, что имело бы гигантское практическое значение — вот на такие утилитарно значимые проекты и стоит тратить деньги. Изучать же раннюю Вселенную или уточнять Стандартную Модель частиц, тратить на это немалые деньги — зачем, скажите на милость, апологеты бессмысленной Вселенной? Апологеты отвечают: «Это же очень интересно, любопытно». Но кого именно это интересует? Сколько людей в мире могут хотя бы на базовом уровне понять и объяснить теорию бозона Хиггса? Едва ли и несколько тысяч человек наберётся во всем мире. И ради любопытства этих нескольких тысяч налогоплательщики должны выделять колоссальные суммы на сложнейшие установки?

В мире есть множество более насущных вопросов: медицина, экология, энергетика — никто не будет спорить, что эти области важны. Но если фундаментальная наука интересует лишь небольшую группу людей, которые вдобавок утверждают, что её исследования бессмысленны, зачем тогда финансировать такие проекты?

Научные атеисты рубят сук, на котором сидят. Даже обсуждать ценность фундаментальной науки в научном сообществе сложно. Я много лет предлагаю в нашей лаборатории хотя бы провести коллоквиум на эту тему, но натываюсь на молчаливый отказ. Давайте, говорю я далее коллегам, проведем симпозиум и обсудим — в чем ценность фундаментальной науки, ради которой мы надеемся построить новый, в любом случае дорогостоящий, коллайдер. Давайте пригласим на этот симпозиум выдающихся физиков, философов, религиозных, общественных деятелей, политиков. Но никто не хочет поддерживать такую инициативу. Думаю, что главная причина — агрессивное атеистическое лобби в науке, своего рода псевдорелигия, что оказывается важнее даже научных интересов. Всё научное сообщество прогибается под давлением группы активистов воинствующего атеизма. Так работает идеология внутри научного сообщества.

Наука до сих пор живёт на старом кредите доверия, который сложился благодаря её более здоровому состоянию, например, сто лет назад. Тогда было меньше идеологической лжи и манипуляций. Современное доверие к науке в значительной степени наследует репутацию таких великих учёных, как, скажем, Планк, Эйнштейн, Фейнман и других. Их фигуры символизируют честность, преданность истине, а научное сообщество сплошь и рядом "паразитирует" на этом наследии.

Да, Эйнштейн тоже совершал ошибки, в том числе и научные, и политические, но они были искренними. Он никогда не участвовал в бесчестных манипуляциях. Эйнштейн был истинным поэтом, псалмопевцем *Amor Dei Intellectualis*. Современные ученые, напротив, нередко пренебрегают истиной ради выгоды или идеологии, подрывая доверие к науке как честному поиску. Еще один источник доверия к науке — её вклад в технологии, и этот источник продолжает великолепно работать. Наука доказала свою способность адекватно понимать природу, создавая

удивительные устройства, расширяя знания о космосе, как в современном, так и в античном смысле прекрасного порядка мироздания.

Научное сообщество парадоксальным образом ослабляет доверие к себе, когда апеллирует к лозунгам вроде «верьте науке». Требование веры к научным результатам противоречит самой сути науки, основанной на критическом мышлении и открытости сомнению. Когда звучат такие призывы, это напоминает слова Салтыкова-Щедрина: «Заговорили о патриотизме — видно, крепко проворовались». Наука не должна превращаться в догматическое сообщество, где критика подавляется, а авторитет используется для извлечения выгод и защиты корпоративных интересов. Подлинное здоровье науки обеспечивается балансом между доверием и сомнением. Если общество полностью доверяет науке, это легко ведет к жульничеству или тоталитаризму. Если же царит только недоверие, то наука перестаёт существовать как дисциплина. Требуется диалектический подход: доверие и недоверие должны находиться в постоянной свободной борьбе, уравновешивая друг друга. Такая борьба необходима для здорового развития науки.

Предположим, я скажу так: «каждый настоящий учёный должен быть готов к жертвам ради истины — даже к тому, чтобы пойти на костёр.» Тогда мне могут возразить: «А вы, Алексей Владимирович, сколько раз были на костре? Сколько раз вас увольняли за то, что вы выступали за истину? Сколько раз вас шельмовали за это?» Ответ — ни разу такого не было, если не брать в расчет сравнительно мелкие неприятности. «Ну, а чему же вы тогда нас учите, какое право имеете нас учить идти на жертвы?». Честно скажу: я не святой и не герой. Заблуждений у меня было немало, да заведомо и есть, и самого разного рода. Человек по природе склонен к ошибкам; путь к истине труден. Но вот участвовать в компаниях лжи, затыкания ртов, шельмований и клеветы — этого не было и не будет.

Есть замечательная статья Солженицына «Жить не по лжи». Я считаю, это тот минимум, который мы должны требовать от себя и своих коллег. Не участвовать во лжи. Сказать правду, если можешь. Если не можешь — хотя бы не лги, не затыкай ртов. Те, кто находят в себе смелость идти на костёр, терять работу или подвергаться шельмованию ради правды, — это герои или святые. Святость, кстати, не означает безгрешности. Даже в церкви святые

всегда понимались не как безупречные люди. Только один Христос, согласно церковному учению, безгрешен. Святые — тоже грешные люди, которые сами о себе часто говорили: «Аз многогрешный», и святость их, прежде всего, состояла в мужественном стоянии за правду, в исполнении особо трудного долга, на что мало кто способен. Святых нужно чтить, нужно повышать это качество в себе, но требовать святости от других — лицемерно и глупо.

А вот что можно и нужно требовать, еще раз подчеркну, так это неучастие в лжи. При этом важно отличать чистосердечное заблуждение от сознательного вранья. Если учёный ошибся — допустим, сделал неверное заявление о происхождении коронавируса, он должен публично покаяться. Необходимо признать ошибку в том же издании или в другом месте, где его примут. Нужно сказать примерно следующее: «Я тогда ошибался. Простите меня». Особенно это требуется, если ошибка экспертного заключения повлияла на общественно важное решение, например, на решение о карантине или дорогостоящем финансировании.

Публичное покаяние — это то, что следует требовать от учёных. Если эксперт допустил ошибку публично, то он обязан так же публично её признать. И до тех пор, пока это не станет нормой, ситуация в науке будет не слишком здоровой. Вот так я считаю. При моей жизни это вряд ли произойдёт. Но вы спрашиваете, как должно быть, — так должно быть именно так.

Опубликовано в "[Граните Науки](#)" и в "[Лебеде](#)"

Декабрь 2024